

Концепция «народной монархии» И. Солоневича как «коперниканский переворот» в политической теории

Российская империя, даже в ее нынешнем, изуродованном и залитом русской кровью лике, есть результат самой высокой государственной культуры, какая только была на земле со времени падения Римской империи.

Невооруженная интервенция западноевропейской философии нам обошлась дороже, чем вооруженные нашествия западноевропейских орд.

И.Л. Солоневич

Выдающийся русский историк Г.В. Вернадский сто лет назад сформулировал тезис, который требует пересмотра многих стереотипов восприятия всей русской истории. Он писал: «Русское искусство, русскую церковь мы готовы признать созданием народного гения. Труднее доступна нам мысль, что все русское государство – такое же создание русского народа. В этом государстве видят много темных сторон – но нельзя же из-за них не замечать могучих творческих сил, направляющих всю его жизнь <...> Внешний рост русского государства являлся лишь подведением итогов народной русской колонизации. И с этой стороны русское государство – плод национального творчества русского народа» [22, с. 124]. Речь здесь идет о периоде Русского Царства и Империи.

Русское государство, существовавшее до 1917 года, должно быть признано творением русского народного гения по крайней мере по трем причинам: 1) по причине его огромности как результата вольной народной колонизации колоссальных территорий и способности русского народа вступать в симбиоз с живущими там народами, а не истреблять их, как это делали европейцы в своих колониях; 2) по причине невероятной устойчивости этого государства, отразившего три самых страшных нашествия в мировой истории – монгольское, наполеоновское и гитлеровское, чего не смогло сделать ни одно другое государство; имперский многонациональный характер русского государства стал фактором его устойчивости, а не распада; 3) по причине создания в этом государстве одной из самых великих в мире культур. Русская культура показала уникальный характер русского человека, отличающийся более глубокой христианизацией и особой внутренней свободой духа, удивившей Европу. Та самая «вольность», которая в народной массе выразилась в освоении огромных территорий и отражении нашествий самых могущественных внешних врагов, в сфере культуры создала творения искусства и философии, в которых в наибольшей степени была явлена сложность человеческой личности, столь

Даренский Виталий Юрьевич, доктор философских наук, профессор кафедры философии Луганского государственного педагогического университета. E-mail: darenskiy1972@rambler.ru

удивлявшая европейцев. Удивительны и мировые достижения русской науки – несмотря на весьма аскетические условия ее развития. А вершиной русской свободы стал сонм русских святых всех веков.

Но ведь эта русская свобода духа, очевидно, не может быть не связана и с особым характером русской государственности. Однако о русской государственности упорно создается миф, изображающий ее исключительно в негативном свете. Не является ли этот миф сознательной ложью, имеющей своей целью лишить Россию собственной государственной традиции и полностью подчинить ее Западу? Выдающийся мыслитель современности А.С. Панарин указывал на явное противоречие «между научными мифами» и реальной историей России – между величественными результатами реального исторического бытия России и ее якобы извечной «отсталостью»; и поэтому, писал он, нам необходимо исследовать «генетические программы, тянущиеся от прошлого к будущему и образующие логику национального бытия» России, чтобы выйти из «роли пассивных адептов чужих теорий и чужого опыта» [13, с. 112, 117].

Для работы в этом направлении трудно переоценить значение наследия русского мыслителя и общественного деятеля Ивана Лукьяновича Солоневича (1891–1953), создавшего концепцию самобытных начал русской власти. Согласно этой концепции, в России на протяжении многих веков ее самостоятельного развития в допетровскую эпоху был реализован идеал народной монархии, принципиально отличающийся от западной модели сословной монархии (абсолютизма), однако затем Петром I была силой навязана западная модель, которая в конце концов и привела к ее крушению в 1917 году. Русская политическая мысль, по И.Л. Солоневичу, может быть русской политической мыслью тогда и только тогда, когда она исходит из русских исторических предпосылок. «Русский царизм, – писал И.Л. Солоневич в статье «Миф о Николае II», – был русским царизмом: государственным строем, какой никогда и нигде в мировой истории не повторялся. В этом строе была политически оформлена чисто религиозная мысль. “Диктатура совести”, как и совесть вообще, – не может быть выражена ни в каких юридических формулировках, – совесть есть религиозное явление. Одна из дополнительных неувязок русских гуманитарных наук заключается, в частности, в том, что моральные религиозные основы русского государственного строительства эта “наука” пыталась уложить в термины европейской государственной юриспруденции. И с точки зрения государственного права – в истории Московской и даже Петербургской империи ничего нельзя было понять; русская наука ничего и не поняла. В “возлюби ближнего своего, как самого себя” никакого места для юриспруденции нет. А именно на этой православной тенденции и строилась русская государственность. Как можно втиснуть любовь в параграфы какого бы то ни было договора?» [20, с. 100].

Действительно, только объяснение И.Л. Солоневичем особой природы русского государства как народного православного царства, основанного в первую очередь на нравственном подвиге всего народа и исполнении евангельских заповедей, а вовсе не на погоне за корыстными «интересами», – только такое объяснение позволяет понять и особый характер русского народа, выработавшийся в этом государстве, и особый характер русской культуры (ибо ее принципы совпадают с теми принципами государства, о которых пишет И.Л. Солоневич), и с их выдающимися достижениями, удивившими мир. Таким образом, И.Л. Солоневич радикально меняет сам метод понимания и исследования русской государственности – вместо ошибочного накладывания на нее чужих схем, заимствованных на Западе, он рассматривает ее на основе ее собственных принципов и на основе реальных фактов исторического бытия России, а не традиционных русофобских мифов в наукообразной оболочке. Тем самым политическую теорию И.Л. Солоневича и его особый взгляд на русскую историю следует понимать как своего рода «коперниканский переворот» в политической теории: в соответствии с логикой этой метафоры русский мыслитель

поставил в центр своего анализа Россию как «солнце», перестав считать Запад той центральной точкой, вокруг которой вращаются все.

Целью данной статьи является краткая систематизация тех опорных идей И.Л. Солоневича, которые действительно сохраняются и в менталитете русского народа, хотя и переставшего быть «мужицкой толпой», но в целом сохранившего тот идеал государства, который сформировался у наших предков на протяжении веков и не может быть так быстро сломан «экспериментами» XX века. Впрочем, И.Л. Солоневич пишет о том, что эта ломка началась намного раньше: «Старая московская, национальная, демократическая Русь, политически стоявшая безмерно выше всех современных ей государств мира, петровскими реформами была разгромлена до конца. Были упразднены и самостоятельность Церкви, и народное представительство, и суд присяжных, и гарантия неприкосновенности личности, и русское искусство, и даже русская техника (до Петра Москва поставляла всей Европе наиболее дорогое оружие). Старомосковское служилое дворянство было превращено в шляхетский крепостнический слой. Все остальные слои нации, игравшие в Москве такую огромную национально-государственную и хозяйственно-культурную роль: духовенство, купечество, крестьянство, мещанство, пролетариат (посад), были насильно отрешены от всякого активного участия во всех видах этого строительства» [19, с. 49].

В последние годы становится все более интенсивным научное исследование наследия И.Л. Солоневича, основанное на понимании его метода. Так, А.Е. Беляев отмечает: «...в итоговом труде “Народная Монархия” предпринимает попытку написать историю русского народа, очищенную от интеллигентских и дворянских доммыслов. Учение о народной монархии обрело у Солоневича глубокую концептуальную оформленность» [1, с. 32]. В диссертации А.Н. Вараксы справедливо отмечается, что И.Л. Солоневич «предложил нам “другую версию” русской истории, не от лица дворянского класса, руководившего Россией со времен Петра I, а от лица тех, кто делал свое дело и в воинских кордонах на рубежах России, и в прокладке Великого Сибирского пути, и в борьбе с чумными эпидемиями в Средней Азии, и в развертывании столыпинских отрубков» [4, с. 81]. Это образное определение делает акцент на том, что понять природу русского государства как «народной монархии» можно только с позиции самого народа, а не с позиции европеизированной профессуры. То есть речь идет о принципиальном изменении самой оптики видения русской истории.

Но что значит видение «с точки зрения народа»? Уже сто лет и в науку, и в общественное сознание усиленно внедряется стереотип, согласно которому под словом «народ» подразумеваются, во-первых, непременно только низшие слои общества, во-вторых, люди, которые непременно должны быть недовольны властью и государством и всегда ожидать «перемен к лучшему». Однако эти презумпции на самом деле никакого отношения к подлинному пониманию слова «народ» не имеют. Во-первых, народ уже по определению включает в себя все слои и классы населения без исключения. Во-вторых, именно высшие, наиболее образованные и лично развитые его слои в наиболее ясной и четкой форме проявляют в себе и черты народного характера, и лучше всего понимают интересы народа в целом. (Характерно в этом отношении мнение академика Д.С. Лихачева, согласно которому наилучшим выражением народных черт характера является личность А.С. Пушкина, а вовсе не крестьянина или Стеньки Разина.) В-третьих, и это самое здесь важное, народ – это люди, создающие страну, и в том числе государство, то есть считающие и то, и другое своими. Тем самым народ уже по определению не может быть недоволен тем, что он сам же и создал, в том числе и форму государства. Это значит, что русская монархия как творение русского народа есть его кровное детище, плод его творческих усилий, близкий его душе.

Это методологическое основание научной концептуализации специфики русского государства, на котором основана работа И.Л. Солоневича, весьма четко соответствует самому народному самосознанию. И.Л. Солоневичу не нужно было ее выдумывать и конструировать теоретически. Но, к сожалению, до сих пор в массовом сознании господствуют предрассудки, согласно которым народ якобы был чужд своей власти на протяжении многих веков. Этот миф усиленно внедрялся не только в советское время, что естественно, но и в досоветский период среди либеральной публики, считавшей только себя «образованной». На самом же деле дело обстоит прямо противоположным образом, и об этом, в частности, свидетельствуют многие тексты классиков русской литературы. За ограниченностью места обратимся к наиболее показательному в этом отношении «Дневнику писателя» Ф.М. Достоевского.

В 1881 году, за несколько месяцев до смерти, он высказывает здесь особенно важные и сокровенные мысли, явно чувствуя, что уже пишет свое идейное и духовное завещание. В частности, много он пишет и о спасительности монархии для России, и о самой тесной связи ее с самой душой народа: «Это дети царицы, дети заправские, настоящие, родные, а царь их отец. Разве это у нас только слово, только звук, только наименование, что “царь им отец”? Кто думает так, тот ничего не понимает в России! Нет, тут идея, глубокая и оригинальнейшая, тут организм, живой и могучий, организм народа, слившегося с своим царем воедино. Идея же эта есть сила. Создалась эта сила веками, особенно последними, страшными для народа двумя веками, которые мы столь восхваляем за европейское просвещение наше, забыв, что это просвещение обеспечено было нам еще два века назад крепостной кабалой и крестным страданием народа русского <...> Царь для народа не внешняя сила, не сила какого-нибудь победителя (как было, например, с династиями прежних королей во Франции), а всенародная, всеединящая сила, которую сам народ восхотел, которую вырастил в сердцах своих, которую возлюбил, за которую претерпел, потому что от нее только одной ждал исхода своего из Египта. Для народа царь есть воплощение его самого, всей его идеи, надежд и верований его <...> Да ведь это отношение народа к царю, как к отцу, и есть у нас то настоящее, адамантовое основание, на котором всякая реформа, у нас может зиждиться и созиждется. Если хотите, у нас в России и нет никакой другой силы, зиждущей, сохраняющей и ведущей нас, как эта органическая, живая связь народа с царем своим, и из нее у нас всё и исходит. Кто же бы и помыслить мог, например, хотя бы о той же крестьянской реформе, если б заранее не знал и не верил, что царь народу отец и что именно вера народа в царя, как в отца своего, всё спасет, всё убережет, удалит беду?» [9, с. 492].

Когда же пришли в Россию катастрофические события, эти чувства и мысли, описанные Ф.М. Достоевским, проявились с новой силой. Так, С.Н. Булгаков вспоминал: «В предреволюционной России был такой безумец, который носил в сердце стыдливую и до конца не высказанную трагичность любви, которая все время и попиралась ее объектом. Я любил Царя, хотел Россию только с Царем, и без Царя Россия была для меня и не Россия» [2, с. 295]; «я любил Царя и изнывал в тревоге за Царскую семью» [2, с. 311]. Позднее он следующим образом сформулировал главную причину революционной катастрофы, понятую им только через духовную любовь к царю и погибшей монархии: «Россия экономически росла стихийно и стремительно, духовно разлагаясь. И за это время каким-то внутренним актом, постижением, силу которого дало мне Православие, изменилось мое отношение к царской власти, воля к ней. Я стал, по подлому выражению улицы, царист. Я постиг, что царская власть в зерне своем есть высшая природа власти, не во имя свое, но во имя Божие. Не хочу здесь богословствовать о царской власти, скажу только, что это чувство, эта любовь родилась в душе моей внезапно, молниеносно, при встрече Государя в Ялте, кажется, в 1909 году, когда я его увидел (единственный раз в жизни) на набереж-

ной. Я почувствовал, что и Царь несет свою власть, как крест Христов, и что повиновение Ему тоже может быть крестом Христовым и во имя Его. В душе моей, как яркая звезда, загорелась идея священной царской власти, и при свете этой идеи по-новому загорелись и засверкали, как самоцветы, черты русской истории; там, где я раньше видел пустоту, ложь, азиатчину, загорелась божественная идея власти Божией милостью, а не народным произволением» [2, с. 302]. Как видим, даже у бывшего марксиста и врага самодержавия, вдруг из самой глубины души поднялось столь мощное чувство любви к царю, что поразило его самого. Однако это не удивительно, ведь С.Н. Булгаков был человеком из самой глубины народа, причем из его духовной части, священнической в седьмом поколении. И в нем спонтанно поднялось народное чувство святой и жертвенной любви к царю, которое воспитывалось в русском народе веками, которое сохранило народ в самых тяжелых исторических испытаниях, давая силы для спасения России. Это чувство тогда пробудилось и в миллионах русских людей, о чем говорят многие исторические свидетельства.

В европейской мысли, исключая лишь ее консервативную часть, со времени Французской революции конца XVIII века (а подспудно и еще ранее, начиная с писаний Ж.-Ж. Руссо и др.) утвердилось отождествление монархической власти с так называемым деспотизмом, причем последнему понятию придавался крайне негативный смысл, которого оно не имело в античности. (А для русского православного сознания эти негативные коннотации оказываются еще и кощунственными, поскольку на греческом языке обращение к Богу звучит как «Деспота» (Господи) – и этим словом завершается литургия.) Отождествление монархии с так называемым деспотизмом стало общим местом в либеральной и тем более революционной пропаганде в России до 1917 года, а в советское время вообще подавалось как нечто само собою разумеющееся. Тот факт, что в античности понятия монархии и деспотии обозначали совершенно разные политические режимы, оставался почти никому не известным. И тем более понятие «деспотия» не имеет никакого отношения к русской «народной монархии»: если же сопоставлять последнюю с классической аристотелевской схемой, то ей в наибольшей степени соответствовало бы гармоническое сочетание всех трех видов государственного устройства. Главная же суть русской «народной монархии» состоит не в ее внешних формах осуществления, а в ее сакральном содержании как священного Царства – Третьего Рима, Катехона («Удерживающего»), противостоящего мировым антихристовым силам. Впрочем, И.Л. Солоневич рассматривает только эти практические формы и почти не касается высшего, сакрального смысла русской государственности. Однако эту губительность заимствования западных теорий Солоневич сформулировал очень ярко: «невооруженная интервенция западноевропейской философии нам обошлась дороже, чем вооруженные нашествия западноевропейских орд. С Наполеоном мы справились в полгода, с Гитлером – в четыре года, с Карлом Марксом мы не можем справиться уже сколько десятилетий» [19, с. 51]. Умение смотреть на себя и собственную историю своими собственными глазами, а не через призму чужих идеологий – цель И.Л. Солоневича, блестяще им достигнутая.

Что показал этот новый взгляд на русскую историю? К.Н. Сапожников в яркой книге «Солоневич» (2014), вышедшей в классической серии «Жизнь замечательных людей», писал: «В труде “Народная Монархия” Солоневич на многих фактах доказывал, что Российская империя не была тюрьмой народов, что в отношении гражданских свобод она не проигрывала ни одному современному государству, включая Соединенные Штаты. Он настаивал на том, что в области материально-технического прогресса Россия “во все лопатки догоняла Америку, и если бы не революция, то к нынешним временам почти догнала бы ее”. Самодержавие было предано теми, кто толпился у трона “жадной толпой”, и оболгано пропагандистами-революционерами, получившими на эти цели деньги из бездонных хранилищ “мировой закулисы”. Столь разрекламированный революционной печача-

тью «репрессивный аппарат» империи оказался беззубым, действовавшим строго в рамках тогдашнего либерального законодательства» [17, с. 421]. Исходя из этого, следует сказать, что причины разрушения монархии в 1917 году в реальности были прямо противоположными тем, о которых привыкли говорить все русофобские идеологии, как «левые», так и «либеральные». А именно: не «отсталость» России, а наоборот, столь стремительное ее развитие (мировое лидерство по темпам экономического развития), из-за которого появилась «элита», ориентированная на Запад и способная с его помощью захватить власть в стране; не «рабство», а наоборот, столь свободные условия жизни, при которых народ привык «не замечать» государства и поэтому не встал на его защиту, не веря, что кто-то эти свободы может отнять; не «внутренний кризис», а специальная операция внешних сил по разрушению государства, обильно финансировавшаяся из-за рубежа.

Л.И. Глухарева отметила государственно-правовой аспект концепции И.Л. Солоневича: «усовершенствование российского юридического мышления в сторону западноевропейских канонов рассматривалось им как шаг назад» [6, с. 288]. Это объясняется тем, что правовое регулирование приходит на место отношений, основанных на взаимном интересе и доверии, что является явным признаком деградации общества и одновременно основой «диктатуры бюрократии». А. Сорокин в статье «И. Солоневич о монархии как гарантии от бюрократии» (2007) пишет о том, как И.Л. Солоневич объяснил и «техническую» сторону эффективности русской монархии, позволившей ей добиться таких поразительных успехов во всем: «Несмотря на всю нелюбовь И.Л. Солоневича к академическому стилю изложения материала, свойственному, например, таким мыслителям, как Л.А. Тихомиров или И.А. Ильин, мы несомненно должны признать, что Иван Лукьянович является выдающимся представителем русской государственно-правовой науки... Самое главное в том, что выводы и прогнозы, явившиеся результатом проведенного им анализа конкретных политических событий, даже и в наши дни, спустя полвека после его кончины, почти стопроцентно подтверждаются реальной практикой» [21].

Автор здесь имеет в виду прогнозы И.Л. Солоневича о падении советского строя и его смене новой формой «диктатуры бюрократии». Что естественно в силу отрыва государства от его народной основы. Исторически сложившейся основой русского государства является «монарх, не обязанный своей властью бюрократии, а, следовательно, не связанный кастовой солидарностью чиновничества; контроль за деятельностью чиновничества снизу, обеспечиваемый возможностью апеллирования подданных к верховной власти; самоуправление составляющих нацию корпораций, т.е. развитым гражданским обществом; прямая связь верховной власти с нацией, гарантирующая силу верховной власти и нейтрализацию бюрократической «похоти власти» опорой монарха на «мнение земли». Система монархических учреждений должна начинаться с территориального и профессионального самоуправления (земства, муниципалитеты, профсоюзы) и заканчиваться центральным представительством, составленным по тому же территориальному и профессиональному принципу, а не по принципу партий. Гарантией, против диктатуры бюрократии может быть только монархия и только в ее опоре на народное самоуправление, причем монархия, как установление, стоящее над всеми классами и слоями нации» [21]. А утрачивая эту основу, государство последовательно деградирует.

М.Б. Закиров акцентировал те аргументы, на которых основывался И.Л. Солоневич, делая свой оптимистический прогноз о возрождении монархии в России: «Собственную веру в будущее восстановление российской монархии И.Л. Солоневич связывал с тем, что имперско-монархическая традиция укоренена в народном сознании еще со времен Древней Руси. Русская монархия была «плоть от плоти» народа, и когда монархия будет «прокламирована», она «сразу получит непоколебимую моральную опору» в многомиллионной мужицкой толпе, о монархии мечтающей» [10, с. 202].

Принцип построения «народной монархии» состоял в том, что государство представляло собой корпорацию, в которой различные сословия не были враждебны друг другу, но, наоборот, нуждались друг в друге и были объединены общностью служения. Принцип общего служения Богу и государству делал все отличия между сословиями малозначительными. Вот как пишет об этом архимандрит Константин (Зайцев) в книге «Чудо русской истории»: «Все, и властвующие и подвластные, разнятся лишь формами зависимости – будь то “служба” властвующих, или “тягло” подвластных. Никто не скажет: это – мое, и действую я по моему личному праву. Не представимо то для Московской Руси, и в этом все равны, и селянин, и купец, и промышленник, и боярин и даже владетельный князь, способный поспорить о родовитости с Царем. О распределении благ спорить можно, и тут действуют обычные формы гражданского оборота и обмена, как и обычные формы судебного разбирательства. Но обладание благом не есть личное право, а есть основание для несения обязанности – и все разнятся лишь формой и объемом таковых, в системе всеобщего тягла и всеобщей службы. Знаем мы один образ отстаивания своего “права”: это когда нарушалось “место” в несении службы. Но и тут отстаивалась служилая честь, а никак не личное право <...> Московская Русь вынуждена была сплавиться в монолит обязательной службы и обязательного тягла: только такой Русь могла – *быть*» [11, с. 172–173].

Все это формировало и мобилизационный характер народа, и его особые нравственные качества, воспитанные жертвенным служением Руси как защитнице истинной веры. В свою очередь, в народе формировалось понимание царя (как правило, полностью соответствующее исторической действительности) как носителя сверхзаконной правды, как *милюющего судии*. Именно этот смысл хорошо понимал А.С. Пушкин. Так, Н.В. Гоголь восхищался, «как умно определял Пушкин значение полномочного монарха», передавая следующие слова великого поэта: «Зачем нужно, чтобы один из нас стал выше всех и даже выше самого закона? Затем, что закон – дерево; в законе слышит человек что-то жестокое и небратское. С одним буквальным исполнением закона недалеко уйдешь; нарушить же или не исполнить его никто из нас не должен; для этого-то и нужна высшая милость, умягчающая закон, которая может явиться людям только в одной полномочной власти. Государство без полномочного монарха – автомат» [15, с. 174]. И даже в послепетровский период такой идеал царя реализовывался в полной мере: например, с середины XVIII века в России почти отсутствовала смертная казнь, в то время как в Европе в это время почти в каждом городе был штатный палач и казнили даже детей; мягкость наказания «декабристов» поразила иностранцев (а несколько лет спустя в Париже без суда и следствия были расстреляны 11 тыс. повстанцев – это для сравнения).

В классическую допетровскую эпоху «народной монархии» царь отличался от всех остальных в первую очередь тем, что его служение было более ответственным – он отвечал не только за себя и свою семью, как другие, но и за весь народ и за все государство. Отвечал перед Богом и перед народом. Если царь не отвечал тем требованиям, которые к нему предъявлялись, – например, как это случалось во времена Смуты – Земский собор избирал нового царя, но такие случаи могли быть только совершенно экстраординарными, поскольку царь приучался к своему служению с детства и нес его подвижнически, как и все. В целом «народная монархия» реализовала русский социальный идеал «государства-семьи», который остается вполне неизменным на протяжении всей русской истории вплоть до настоящего времени, а отступления от него автоматически приводят к разрушению государства [8]. Такие разрушения, произошедшие в период Смуты, в 1917 и 1991 годах, несмотря на различие идеологий, произошли по одной и той же причине – распада «государства-семьи» вследствие появления активной прозападной элиты и корпоративного эгоизма разных социальных групп.

Особое внимание И.Л. Солоневич уделяет «преобразованиям» Петра I как «модели» всех последующих катастроф («Великий Петр был первый большевик» (М. Волошин)). При этом он указывает на живучесть «петровского мифа» в общественном сознании как чрезвычайно вредного явления: «Русская историография за отдельными и почти единичными исключениями есть результат наблюдения русских исторических процессов с нерусской точки зрения» [19, с. 40]. Даже его предшественник в исследовании природы русской монархии, Лев Тихомиров «отдает дань официальной фразеологии» о «величии» Петра, но, «отдав дань, делает некоторые выводы. “Учреждения Петра были фатальны для России и были бы еще вреднее, если бы оказались технически хороши. К счастью, в том виде, в каком их создал Петр, они были еще неспособны к сильному действию”» [19, с. 41].

Этот явное противоречие акцентирует И.Л. Солоневич, показывая, как миф о «великом Петре» разрушается силой фактов. Принципиальный факт состоит в том, что «От Петра I до Николая II монархия была лишена той “системы учреждений”, о которой говорит Л. Тихомиров, и эта система была заменена “средостением между Царем и Народом”» [19, с. 55]. При этом «если сам Петр I и играл в этом какую бы то ни было роль, то чисто пассивную роль прикрытия над теми социальными силами, которые после разгрома патриархата при патриархе Никоне занялись разгромом монархии при Петре и в XVIII веке достигли почти полного успеха. Л. Тихомиров так и пишет: “Монархия уцелела только благодаря народу, продолжавшему считать законом не то, что приказал Петр, а то, что было в умах и совести монархического сознания народа”» [19, с. 42]. Таким образом, государство было сильно и жизнеспособно лишь благодаря монархическому сознанию народа, служившему ему верой и правдой, – и вопреки тем нововведениям по образцу Запада, которые разрушали саму основу этой силы. Однако это не могло продолжаться бесконечно, и катастрофа наступила в 1917-м. Фундаментальная причина катастрофы 1917-го в том, что «вся та политическая конструкция, которая возведена была в России в результате петровских реформ, была нерусской конструкцией и никак не устраивала русский народ. Советская революция есть логическое завершение или логический результат именно этой конструкции» [19, с. 45].

Отметим, что очень критическое отношение к личности Петра I вопреки существующим предрассудкам свойственно не одним только славянофилам, но не в меньшей степени и многим западникам, особенно в последнее время – как результат отдаленных последствий в XX веке, к которым привела модель светской тирании, созданная Петром Первым вместо православного царства, фактически совершив государственный переворот «сверху». Например, Борис Чичибабин в стихотворении «Проклятие Петру» писал: «Будь проклят, император Петр, / Стеливший душу, как солому! / За боль текущего былому / Пора устроить пересмотр. / От крови пролитой горяч, будь проклят, плотник саардамский...».

Из последних публикаций весьма характерна книга известного публициста доктора философских и кандидата исторических наук А. Буровского «Петр Окаянный. Палач на троне» (2013). Весьма показательна она тем, что автор ее является радикальным западником и обличает Петра не за то, что он якобы «прорубил окно в Европу», а как раз наоборот, что он это окно заколотил досками и резко затормозил европеизацию России, которая успешно шла своим естественным ходом до него и без него [3]. Но, нанеся страшные разрушения русскому народному и государственному организму, он заставил Россию почти сто лет приходить в себя от этой катастрофы вместо того, чтобы нормально развиваться. Можно спорить с этой концепцией, но она показательна тем, что на богатом фактическом материале показывает историю именно в том ракурсе, в котором ее впервые увидел именно И.Л. Солоневич.

Основа русской народной монархии, сформировавшейся в допетровскую эпоху, состояла в том, что она выросла «снизу» как результат самоорганизации и мобилизации народа в условиях перманентной внешней опасности. По сути, русская народная

монархия был одной огромной русской крестьянской общиной, выдвинувшей из себя представителей высших сословий, не утративших связи с основной массой народа ни по мировоззрению, ни по образу жизни. Образ жизни самого царя практически ничем не отличался от образа жизни крестьянина, за исключением только более высокого материального благосостояния, но оно в то время на общий образ жизни практически никак не влияло. В рамках «народной монархии» социальная дифференциация на сословия и профессиональные сообщества не приводила к их взаимному отчуждению и борьбе друг с другом и с царем за «права», но сохраняла принцип *сотработничества* в рамках модели общества как большой семьи.

И.Л. Солоневич в одной формулировке показывает исток подлинной русской государственности, а затем ее разрушение и как следствие – трагическое положение последнего царя как яркую иллюстрацию этого разрушения: «Система монархических учреждений должна начинаться с территориального и профессионального самоуправления (земства, муниципалитеты, профсоюзы) и заканчиваться центральным представительством, составленным по тому же территориальному и профессиональному принципу, а не по принципу партий. Монархия Российская может быть восстановлена только волей народа – и больше ничем. Если эта воля будет монархической, то и ее местные органы будут тоже монархическими. Чисто техническая задача будет состоять в том, чтобы не возникло никакого “средостения” – сословного, чиновного, партийного или какого-либо иного. Технический аппарат петербургской монархии был поставлен вопиюще неудовлетворительно. Он не мог справиться даже с такими задачами, как личная охрана царей. Он оставлял зияющую пустоту между престолом и нацией. Вместо делового штаба, каким было окружение московских царей, петербургская монархия была окружена “двором”, составленным из бездельников. В страшные дни Пскова Государь император Николай Александрович оказался в абсолютном одиночестве, преданный двором, генералами, Думой, правительством, – очутившийся в псковской ловушке и не имевший никакой физической возможности обратиться к народу, к армии» [19, с. 57]. Когда «средостение» между царем и народом – эта «элита» и бюрократия послепетровской Империи – изменила царю, она тем самым изменила и народу, обезглавив его и отдав в руки революционных террористов и манипуляторов сознанием.

Стоит в связи с этим напомнить классическое исследование Эдварда Люттвака «Государственный переворот: Практическое пособие» (*Coup d'Etat*, 1968), в котором показано, что «государственный переворот становится возможным, потому что над аппаратом власти, как и над любым механизмом, можно получить контроль, захватив самые важные рычаги управления»; а это возможно потому, что государственный аппарат «до определенной степени является “машиной”, обычно работающей в предсказуемом и автоматическом режиме. При совершении государственных переворотов как раз и ориентируются на такой “машинный” режим работы бюрократии» [12, с. 21].

Именно в этом состоит главная уязвимость любого, сколь угодно сильного государства – если захватить его центральное управление, то вся «машина государства» автоматически начинает работать на новых хозяев, почти не оказывая им никакого сопротивления, но даже наоборот, всячески стараясь показать свою нужность и эффективность, тем самым, сразу же создавая мощный человеческий ресурс, на который опираются узурпаторы власти. Поэтому любой переворот, обычно ловко маскируемый под «народную революцию», не свидетельствует ни о слабости государства, ни о якобы «недовольстве народа». Его объективные предпосылки иного порядка. Э. Люттвак указывает на предпосылки, имманентно присущие самой структуре современного государства: «ключевыми для осуществления государственного переворота являются два последствия развития и укрепления современного бюрократического аппарата: образование четкого разделения между постоянным государственным аппаратом и политическим руководством государ-

ства» [12, с. 23]. Однако эта общая закономерность уже была четко указана в концепции И.Л. Солоневича как причина разрушения монархии.

В более общем теоретическом плане И.Л. Солоневич с фактами в руках опровергает ходячий миф о том, что якобы республиканская форма правления дает народу свободу, а монархическая якобы отбирает ее. В реальной истории, в том числе и в XX веке, чаще всего было как раз наоборот: «В данных исторических условиях <...> республиканская форма правления совершенно автоматически приведет к диктатуре бюрократии, а эта бюрократия в интересах своей стабилизации выдвинет очередного диктатора. Гарантией против диктатуры бюрократии может быть только монархия и только в ее опоре на народное самоуправление, причем монархия, как установление, стоящее над всеми классами и слоями нации, может, как это фактически и практиковалось в Московской Руси, принимать меры против бюрократического перерождения самоуправления (например, профессионального) и ставить этому самоуправлению твердо очерченные рамки, а самоуправление – контролировать государственный аппарат страны и не давать ему возможности перерождения в диктатуру чиновничества» [19, с. 61].

Принципиальный тезис И.Л. Солоневича состоит в том, что монархии противостоит вовсе не демократия и республика, а *диктатура бюрократии*, которая использует внешние республиканские и демократические формы для легитимации своего господства над народной массой, теряющей всякое влияние на реальную власть. Именно с этой целью разрушаются традиционные монархии – с целью установления диктатуры бюрократии (партийной – в СССР, и финансовой – во всем остальном мире), а вовсе не для того чтобы дать кому-то свободу¹. Поэтому «представление о том, что именно республиканская форма правления дает гарантию каких бы то ни было свобод, является чистой фантастикой. Самодержавная Москва строилась на лично свободном крестьянстве, республиканская Польша – на крепостном. Венецианская и Новгородская республики строились на беспощадной эксплуатации низов и погибли вследствие отказа этих низов поддерживать эти республики. Гитлеровская Германия законно родилась из республиканской Германии» [19, с. 64]. Но все это совершенно не удивительно в силу того, о чем уже было сказано выше.

Монархия всегда является результатом естественного сплочения народа, а не его внутренней борьбы. Это принцип И.Л. Солоневич полагает и в основу будущего возрождения России: «Мы признаем неизбежность этой борьбы, и мы стремимся иметь Одного Человека, который стоял бы НАД этой борьбой, а не был бы результатом борьбы, каким является всякий диктатор, или бессильной случайностью в этой борьбе, какой является любой президент. Итак, <...> нам необходима законно наследственная, нравственно и юридически бесспорная единоличная монархическая власть, достаточно сильная и независимая для того, чтобы стоять над интересами и борьбой партий, слоев, профессий, областей и групп» [19, с. 64].

Тем самым И.Л. Солоневич сейчас видит единственную возможность возрождения России в своего рода переустройстве государства на его изначальных основаниях. Поэтому он пишет: «Народно-монархическое движение... базируется на исключительно русской почве, не имеет никаких мировых претензий и отрицает всякие мировые рецепты. Оно неприемлемо и не может быть приемлемо для подавляющего большинства эмиграции, ибо эта эмиграция есть результат всех предшествующих деяний всех ее руководящих кругов, – правых, может быть, еще в большей степени, чем левых. Народно-монархическое движение не есть движение “правое”, как не есть и “левое”, оно строится в ином измерении, не в двухмер-

¹ Подобная мысль намного раньше была и у В.В. Розанова. «Главная мысль моей статьи, – писал Розанов С.А. Рачинскому в 1895 году, – что монархии губят <...> себя излишней бюрократией, и нет Геркулеса, который сломил бы эти Авгиевы конюшни канцеляризма, и, вероятно, что они погибнут; что один – французский, уже и погиб» [16, с. 509].

ном мире, где все поделено на “правое” и “левое”, а в трехмерном – где есть и более высокое, и более глубокое. Народно-монархическое движение имеет общие точки с правыми, ибо требует мощной царской власти, но смыкается и с левыми, ибо имеет ввиду свободу и интересы народа, массы, а не сословия или слоя. Но если “правые” видят в монархии интересы сословия и слоя, то “левые”, по существу солидаризируясь с “правыми”, видят в монархии “дворянско-помещичий строй”, следовательно – свободу и интересы народа, принесенные в жертву интересам сословия и слоя. *Народно-монархическое движение видит в монархии, – в полном соответствии с историческими фактами бытия России – единственную исторически проверенную гарантию и свободы, и интересов народных масс страны»* [выделено мной. – В.Д.] [19, с. 24]. Соответственно, все споры о том, какая власть является в России подлинно «народной», решаются возвращением к изначальной форме власти.

С другой стороны, концепция И.Л. Солоневича оказывается чрезвычайно эффективной для понимания причин конкретных исторических событий и процессов. В частности, результата Гражданской войны, о которой он пишет так: «Как бы мы ни оценивали и фронтовой героизм Белых армий... никому не пришла в голову самая простая мысль: опереться на семейные, хозяйственные и национальные инстинкты этого народа, и в их политической проекции – на Царя-Батюшку, на Державного Хозяина земли Русской, на незыблемость русской национальной традиции, и не оставить от большевиков ни пуха ни пера. Меня, монархиста, можно бы попрекнуть голой выдумкой. Однако выдумка эта принадлежит Льву Троцкому: “Если бы белогвардейцы догадались выбросить лозунг ‘Кулацкого Царя’, – мы не удержались бы и двух недель”. “Белогвардейцы”, т.е. в данном случае правившие слои всех Белых армий, этого лозунга выбросить действительно не догадались. И по той простой причине, что если февральский дворцовый переворот, как и царевубийство 11 марта 1801 года, был устроен именно для того, чтобы устранить опасность “крестьянского царя”, то было бы нелепо ставить ставку на “кулацкого царя»» [19, с. 46].

Как свидетельствует множество источников того времени, монархические настроения были очень широко распространены среди основной массы населения в период Гражданской войны, и именно они могли бы стать наиболее прочной основой для Белого движения. Единственно верным в тот момент мог быть только лозунг восстановления монархии – то есть нормальной довоенной жизни, – за который бы массово пошел воевать народ. Если часто цитируемые слова Троцкого: «Если бы белые выбросили лозунг кулацкого царя, то мы бы не продержались и двух недель», – могут быть и не вполне достоверными, то абсолютно достоверным является свидетельство из дневника З. Гиппиус от 18 ноября 1917 года (почти сразу после начала диктатуры большевиков): «вторник (поздно) ...Матрос прямо заявил: – А мы уж царя хотим. – Матрос! – воскликнул бедный Ив. Ив. – Да вы за какой список голосовали? – За четвертый (большевицкий). – Так как же...?? – А так. Надоело уж все это...» [5, с. 338]. Именно таковы, как свидетельствуют подлинные источники того времени, были настроения основной массы населения в период Гражданской войны, в то время как большевиков поддерживала лишь мизерная часть населения, а остальные повиновались им только из-за ужаса перед страшным красным террором. Кажется невыносимым, почему в Гражданской войне победило меньшинство вопреки настроениям основной массы населения! Но это объясняется именно тем, что Белое движение не выдвинуло спасительный лозунг восстановления монархии, который бы обеспечил его массовую поддержку населением и быструю победу – не только и не столько потому, что руководителями Белого движения были бывшие «февралисты». Но в первую очередь потому, что такой лозунг запретили выдвигать «союзники» по Антанте, которые на самом деле не хотели победы белых и восстановления православной России, а хотели максимального «управляемого хаоса» и ее внутреннего разрушения, а для этой цели подходили как раз большевики в качестве того «вируса», который разрушит народ изнутри.

Запретив выдвигать монархические лозунги, «союзники» обрекли белых на поражение, а Россию – на тоталитаризм. Зато большевики очень скоро весьма удачно использовали монархизм народа – на него и опирался в первую очередь культ тирана Сталина, который был ничем иным как крайне извращенной формой монархизма, паразитированием кровавой власти на традиционном менталитете народа в своих преступных целях.

Важный аспект русской монархической свободы состоит в способности России быть *содружеством множества народов*, которым невыгодно уходить из России: «Ни одна нация в истории человечества не строила и не постигла такой государственности, при которой все втянутые в орбиту этого строительства нации, народы и племена чувствовали себя – одинаково удобно или неудобно, – но так же удобно или неудобно, как и русский народ. Если было удобно – было удобно всем, если было неудобно – то тоже всем. Это есть основная черта русского государственного строительства. Она может называться интернационализмом, космополитизмом, универсализмом или “вселенскостью”, но она проходит определяющей чертой через всю русскую историю» [19, с. 27–28]. Более того, так называемые покоренные народы, вошедшие в состав русского царства, а затем Империи, как правило, имели больше выгод от этого, чем сам государствообразующий русский народ. В этом смысле Россия представляет собой уникальный феномен, который можно назвать «империей-донором» [см. 7].

Таким образом, очевидно, что русская народная монархия была основана на очень высокой политической культуре народа, которая принципиально отличается от типов политической культуры, рассматриваемых в рамках западной традиции. Если в последней политические формы в первую очередь стремятся обеспечить максимальный контроль над властью, то есть основаны на принципе фундаментального недоверия к власти, то русская политическая культура, наоборот, основана на принципе доверия, который не обманывает, поскольку подтверждается практическим опытом. Этот опыт состоит в том, что подавляющее большинство русских правителей до 1917 года были выдающимися деятелями, а некоторые из них даже святыми, канонизированными Церковью. В рамках такой политической культуры требовался не контроль над ними, а духовное единство царя и народа. Оно существовало до тех пор, пока и народ, и царь были воспитаны Православной Церковью и были ее верными чадами. Но как только сначала царь Петр, а затем двести лет спустя и сам народ предали эту традицию, это обернулось катастрофой для государства. Однако такой тип политической культуры до настоящего времени еще не вошел в научные классификации в рамках политической теории, и поэтому адекватное понимание русской политической истории в период до 1917 года остается невозможным. Политическая культура доверия народа к власти и власти к народу, основанная на их *духовном единстве* в рамках Церкви – это культура жизненного подвига на основе евангельского идеала жертвенного служения Правде. Московская Русь была создана живым воплощением такого идеала в лице первых великих князей Московских и их героического народа – и монархия существовала ровно до тех пор, пока воплощение этого идеала было *массовым* – вплоть до последнего царя-страстотерпца и сонма новомучеников XX века.

Концепция «народной монархии» И.Л. Солоневича стала наиболее полным выражением (экспликацией) того народного политического мировоззрения, на которое «официальная» наука вплоть до настоящего времени не привыкла обращать серьезное внимание, списывая это аутентичное народное сознание в область «темных пережитков». Прозрение И.Л. Солоневича, которое нельзя не назвать гениальным, состоит в том, что он показал: 1) четкое соответствие этого народного сознания историческим фактам и историческому опыту; 2) наибольшую эффективность модели «народной монархии» для тех критических условий жизни, в которых постоянно находится Россия вплоть до настоящего времени.

Эту концепцию также следует понимать и как новый тип христианской историософии, поскольку она опирается не на схему типов государственного устройства, доставшуюся от античного язычества, а на опыт жизни православного народа с его новым пониманием самой сущности и цели государства – не как «удобства» жизни, а как одного из средств служения народа Богу и правде.

И.Л. Солоневич очень иронически оценивал погоню за европейскими идеями, которой до сих пор больна «образованная» Россия, все больше загоняя страну в идейный тупик: «мы также присутствуем при конце Европы, как культурного и политического гегемона мира. А наши “идеологи” все еще пытаются заимствовать из Европы все те идеи, которые Европе уже привели к концу» [17, с. 29]. А уже в конце XX века А.С. Панарин констатировал: «В России так и осталась не проделанной колоссальной важности работа – по реконструкции собственного (восточно-христианского) цивилизационного текста и реинтерпретации всех общественных практик с позиций этого большого текста» [13, с. 200]. Безусловно, И.Л. Солоневич сделал огромный шаг в этом направлении.

Если насущность и острая актуальность концепции И.Л. Солоневича для адекватного понимания русской истории до 1917 года вполне очевидна и об этом уже говорилось выше, то о ее насущности для понимания новейшей истории и современности следует сделать некоторые разъяснения. После утраты народной монархии как органической формы государства, являвшейся выражением народного духа и многовекового опыта, в советский период она продолжала существовать в своей «превращенной форме» (Гегель) как тип массового политического сознания, обеспечивавший лояльность к новой власти.

В соответствии с известным законом жизни, действующим также и в духовной сфере, – «чем выше поднялся, тем больнее падать», – после высшей, наиболее христианской из всех существовавших в истории форм государства как «народной монархии» Россия попала под власть наиболее жестокого тоталитарного государства, созданного в соответствии с самой радикальной антихристианской идеологией. Но этот новый тип государства населением в значительной мере воспринимался как «свой» по аналогии с бывшей прежде народной монархией, а образ народного монарха переносился на «вождя». В максимальной степени это касалось образа Сталина (существовал феномен «народного сталинизма», который был вообще не связан с идеологией, а был просто переносом на генсека архетипического образа «отца»). На следовавших за ним глав государства этот образ переносился в намного меньшей степени, однако полностью этот феномен массового сознания не исчез вплоть до настоящего времени, более того, в XXI веке он явно переживает мощный ренессанс. Тем самым концепция И.Л. Солоневича в значительной степени касается и современного российского государства, в котором подспудно, в «превращенной форме» продолжает функционировать модель «народной монархии» как на уровне массового сознания, так и на уровне управленческой культуры. Более того, именно эта модель является до сих пор одной из основ его жизнеспособности – так же, как это было и в послепетровскую и советскую эпохи.

Этот важнейший для понимания нашей истории феномен, открытый И.Л. Солоневичем, который можно метафорически назвать сокровенным государством, продолжает существовать и спасать Россию в самых тяжелых обстоятельствах. Поэтому актуальность концепции И.Л. Солоневича связана в первую очередь вовсе не с так называемыми перспективами восстановления монархии в России, о которых в наше время говорить совершенно неуместно в первую очередь по причинам духовного, а не политического порядка, – а с проблемой онтологической сложности современной российской государственности, включающей в себя много исторических «слоев». «Народная монархия» является самым глубинным ее «слоем», наиболее близким к ее сакральному «ядру» – Святой Руси – и поэтому требует самого вдумчивого понимания.

Литература

1. *Беляев А.Е.* Политическое своеобразие самодержавия в публицистике И.Л. Солоневича и русских консерваторов конца XIX – первой половины XX в. // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. 14 (1). С. 31–36.
2. *Булгаков С.Н.* Христианский социализм. Новосибирск: Наука, 1991. 350 с.
3. *Буровский А.* Петр Окаянный. Палач на троне. М.: Эксмо, 2013. 390 с.
4. *Варакса А.Н.* Идея монархии в политической мысли Русского зарубежья (1920–1940-е гг.): дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01: Санкт-Петербург, 2003. 137 с.
5. *Гиллиус З.Н.* Собр. соч.: в 15 т. Т. 8: Дневники: 1893–1919. М.: Русская книга, 2003. 576 с.
6. *Глухарева Л.И.* О возврате отечественного права к принципам «Русской Правды»: идеи И.Л. Солоневича // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2012. № 3 (83). С. 284–293.
7. *Даренский В.Ю.* Империя-донор: нравственный подвиг как основа российской цивилизации [Электронный ресурс] // Международный журнал исследований культуры. 2013. № 2 (11): Империя: сценарии общности и практики различий. СПб.: Эйдос, 2013. С. 44–51 / Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_19113529_20260903.pdf
8. *Даренский В.Ю.* Константы русского социального идеала и их исторические основания // История и современность. 2015. № 1. Март. С. 63–80.
9. *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. Январь 1881 / Ф.М. Достоевский // Собр. соч.: в 15 т. Т. 14. М.: Наука, 1995. 784 с.
10. *Закиров М.Б.* Прошлое и будущее российской государственности в теории народной монархии И.Л. Солоневича // Научные известия БелГУ. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2013. № 8 (151). Вып. 26. С. 197–203.
11. *Константин (Зайцев), архим.* Чудо русской истории. М.: Форум. 2000. 863 с.
12. *Люттвак Э.* Государственный переворот. М.: РФСОН, 2012. 326 с.
13. *Панарин А.С.* Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. М.: Логос, 1998. 326 с.
14. *Панарин А.С.* Страхи властвующих как фактор стратегической нестабильности // Наш современник. 2002. № 9. С. 193–221.
15. *Разговоры Пушкина.* М.: Политиздат, 1991. 318 с.
16. *Розанов В.В.* Собр. соч.: [в 30 т. Т. 29:] Литературные изгнанники. Книга вторая. М.: Республика; СПб.: Росток, 2010. 957 с.
17. *Саложников К.Н.* Солоневич. М.: Молодая гвардия, 2014. 453 с.
18. *Смолин М.* Монархизм как любовь. Штрихи к портрету Ивана Солоневича // *Солоневич И.Л.* Наша страна. XX век. М.: Изд-во журнала «Москва», 2001. С. 5–20.
19. *Солоневич И.Л.* Народная монархия. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 624 с.
20. *Солоневич И.Л.* Миф о Николае II / И.Л. Солоневич // Наша страна. XX век. М.: Изд-во журнала «Москва», 2001. С. 77–106.
21. *Сорокин А.И.* Солоневич о монархии как гарантии от бюрократии (2007) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://legitimist.ru/sight/politics/2010/archivnyie-novosti/solonevich-o-monarhii-kak-garanti.html> (дата обращения 20.01.2020).
22. *Статья Г.В. Вернадского «Национальное творчество русского народа» (Таврический голос. 1919. 8 (21) декабря. № 112 (262)) // Филимонов С.Б.* Интеллигенция в Крыму (1917–1920): поиски и находки источниковеда. Симферополь: ЧерноморПресс, 2006. С. 122–124.

Аннотация. В статье исследуется концепция «народной монархии» И.Л. Солоневича как экспликация народного политического мировоззрения и новый тип христианской историософии. Реконструирована модель того типа государства, который сформировался в России в допетровскую эпоху и остается неизменным до настоящего времени, подвергаясь насильственным искажениям в форме европеизации и советизации, но сохраняющийся до сих пор на уровне национального менталитета. Выделены ключевые идеи концепции И.Л. Солоневича, позволяющие увидеть преемственность русской истории и прогнозировать ее будущее.

Ключевые слова: «народная монархия», И.Л. Солоневич, историософия, царь, народ, революция.

Vitaliy Yu. Darenskiy, PhD in Philosophy, Professor, Philosophy Department, Lugansk State Pedagogical University. E-mail: darenskiy1972@rambler.ru

I. Solonevich's Concept of "People's Monarchy" as a "Copernican Coup" in Political Theory

Abstract. The article explores I.L. Solonevich's concept of "people's monarchy" as the explication of popular political worldview and the new type of Christian historiosophy. The author reconstructs the model of the type of state formed in Russia in the pre-Petrine era and remaining unchanged though it has been subjected to violent distortions in the forms of Europeanization and Sovietization, but still surviving at the national mentality level. He highlights the key ideas of the concept of I.L. Solonevich, that allow us to see the continuity of Russian history and predict its future.

Keywords: "People's Monarchy", I.L. Solonevich, Historiosophy, Tsar, People, Revolution.

Духовная смута в России на переломе веков и о. Иоанн Кронштадтский

{ Раздел четвертый }

А.Ю. Полунов

Эфиопское посольство 1895 года, церковно-государственные отношения и идейные искания консерваторов конца XIX века

А.И. Вакулинская

Мечта о земном рае, или духовные брожения в поисках свободы: Россия начала XX века

И.В. Омелянчук

Социальный аспект идеологии российских консерваторов начала XX столетия

К.А. Соловьев

От кружков к партиям

Генезис партийной системы России начала XX века

П.А. Шевченко

Иоанн Кронштадтский и Лев Толстой

К вопросу о мировоззренческом влиянии на современников

М.А. Саевская

Иоанн Кронштадтский и Лев Толстой

Игумен Виталий (Уткин)

Святой праведный Иоанн Кронштадтский vs церковный либерализм и либеральные СМИ

Д.И. Стогов

Взаимоотношения лидеров и участников правомонархических салонов с о. Иоанном Кронштадтским

Игумен Виталий (Уткин)

«Бегство от Вавилона» vs общая исповедь как Страшный суд (эсхатологические воззрения русского радикального старообрядчества и последователей святого праведного Иоанна Кронштадтского)

